

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XVII

Славянские лексемы семантической сферы 'скорбеть, горевать, тосковать; скорбь, печаль, тоска' не исследовались в совокупности, некоторые из них не имеют надежной интерпретации, отдельные слова вообще не попали в поле зрения этимологов. Причем необходимо отметить, что семантика такого рода, отражающая различные психологические состояния человека (печаль, страх, ненависть и т.п.), часто не первична и формируется на базе каких-то более конкретных значений, выявление которых представляет несомненный интерес как в типологическом плане, так и для задач практической этимологии. Цель нашей заметки — попытка дать этимологическое истолкование ряда славянских слов (не подвергавшихся анализу вообще или не получивших убедительного объяснения) на основе отмечаемых здесь семантических моделей, характерных для данного лексического круга. Причем принимается предположение относительно того, что ряд семантических связей является отражением в языке элементов древнего погребального ритуала.

Итак, значения 'скорбеть, горевать, тосковать...; скорбь, горе, тоска ...' могут восходить, помимо прочих, к следующим:

1. 'резать, рвать, скрести, царапать, грызть...': см. праслав. **skъrbъ* 'скорбь', **skъrbĕti* 'скорбеть' (рус. *скорбь* определяется В. Далем, как 'печаль, грусть, тоска, туга, жаль, горе, кручина, сокрушение, боль сердечная' — Даль² IV, 204; с.-хорв. *skfb* также 'забота' и др.) обычно связывается с праслав. **žъrba/*žъrbъ* (рус. *щерба, щербинка* 'выщербинка, трещинка...', польск. *szczyrba* 'засубрина' и др., затем с др.-нем. *scirbi* 'черенок', англосакс. *sceorfan* 'грызть, кусать', а также лит. *skuřbti* 'печалиться', *skurbe* 'горе' и др. (Фасмер III, 650—651; IV, 503—504; 181), далее — к и.-е. *(*s*)*kerb(h)*- (к *(*s*)*ker-* 'резать') (Pokorny I, 938—943). Особенно показательно сочетание значений у с.-хорв. глагола *o-skъrbiti* (**o-skъrbiti* — каузатив к **skъrbĕti*) — это 'ранить' и 'опечалить, огорчить; позаботиться, снабдить' (RJA IX, 208), аналогичное сочетание значений в русских говорах у гл. *оскорбить*: 'наказать телесно' (Доп. к Оп. 163) и, 'опечалить' (?), зафиксированное в плаче по рекруту на севере России:

Уж как я то ли, горяишица,
Без тебя, мой лада милая,
Оскорбила лице белое,
Помутилися от слез да очи ясные
(Барсов, ч. II, 92).

См. еще образованные по сходной модели: др.-рус. *тързатиса* 'мучиться, терзаться, скорбеть' — к др.-рус. *тързати* = *тръзати* = *тързати* 'дергать, рвать' (Срезневский III, 1086), рус. *терзать* 'томить, мучить, истязать нравственно, повергать в отчаянное горе' и 'рвать, драть (в отчаянии на себе одежду, волосы, лицо)'. (Даль² IV,

401) — к праслав. **tyrzati* (*se*); др.-рус. *съкръшити* 'опечалить, измучить' и 'сломать; разбить, разрушить...' (Срезневский III, 725—726) и *съкръшатиса* 'печалиться' и 'быть разрушаемым' (Там же, 725) — к слав. **krušiti* 'ломать, дробить' и др. примеры;

2. 'стягивать, сжимать, сдавливать': праслав. **tqga* 'тоска, печаль' родственно праслав. **tqgъ(jь)* 'тугой', **teḡati*, **te(g)nqti* 'тянуть', праслав. **teḡькъ* 'тяжкий' (Фасмер IV, 113—114; 139; 140). Ср. еще к праслав. **šĉemiti* 'прижимать, защемлять' — праслав. **skomati*, **skomĉti*: словен. *skomati* 'тосковать', *skomĉti* то же (Фасмер III, 647; IV, 502), рус. стар. *оскома*, *оскомина* 'скорбь, тоска, ной, томленье' (Даль² II, 697—698) и т.д.;

3. 'гореть, печь, жечь': праслав. **pečalb* 'грусть, печаль' производно от праслав. **pekti*, **pekq* 'печь' (Miklosich 234; Фасмер III, 254); праслав. **gor'e* 'печаль, скорбь, горе' (см. чеш. поэт. *hoře* 'печаль, скорбь', рус. *горе* 'печаль, скорбь; беда, несчастье' и т.п.) родственно праслав. **gorĉti* 'гореть' и др. (Miklosich 73; Verneker I, 333; ЭССЯ, 40—41).

Остановимся подробнее на первой модели. Основываясь на ней ('резать, рвать, бить, царапать, грызть...' → 'скорбеть, тосковать, печалиться'), можно проэтимологизировать представленное в Словаре русского языка XI—XVII вв. др.-рус. сущ. *оскобина* 'печаль, забота' (?), зафиксированное в составе следующего контекста: Аще и азъ милости не получихъ, поне братия, яко да долголътень будещи на земли, прости, молюся Христа ради. Всѣявый, воистинну и жати имаше и озобати; сему и *оскобина*. Намъ же что отъ сихъ? (Пис. Ив. Неронова. Суд. Мат. I, 104. 1654 г.) (СлРЯ XI—XVII вв. 13, 94). Несомненно, его нужно производить от гл. **оскобиту* (к **skobiti*), очевидно, через ступень **оскоба*. Следует указать, что реконструируемый на базе др.-рус. слова *оскобина* праслав. гл. **skobiti* подтверждает предположение Ж. Варбот о былом существовании такого глагола, родственного славянским **skobľ* (**skob'a*), **skobliti*, а также русским диалектным *за-скобина* 'щербина' (волог.), *скобонуть* 'дать кому тумака, ударить' и *скобень* 'кто чешется' (пск. и твер.)¹. Далее лексемы с корнем **skob-* (// **šĉeb-*: укр. *цебати* 'отщипывать, обрывать', рус. *щобень* и др.) соотносят с лит. *skõbti*, *skabiù* 'скрести, срывать', лат. *scabõ-ere* 'скрести, скоблить, чесать', гот. *skaban* 'скрести, стричь' (Фасмер III, 643; IV, 496—497) — очевидно, к исходному значению 'колоть, раскалывать'. Заметим мимоходом, что выявляется и еще одна лексема с тем же, что и *оскобина*, корнем *скоб-* (**skob-*). Это наречие *наскобно* 'поскорее, скорей', представленное в недавно изданном шестом выпуске Ярославского областного словаря (Ярослав. словарь (*липень — няучить*) 6, 113). Семантическим основанием для присоединения данного слова, трактуемого как *на-скоб-н-о*, к гнезду **skob-* 'раскалывать, скоблить' может служить известный факт, что значение 'быстрый, скорый' (→ 'быстро, скоро') часто восходит именно к 'резать, рвать, бить...' (: слав. **rĉzvъ* — к **rĉzati*, рус. *бойкий* — к *бить* (**biti*), рус. *шибкий* 'быстрый; сильный', слав. **šibькъ* — к **šihati* и т.п.).

Семантические переходы данного типа 'резать, рвать...' (а также 'гореть, печь...') → 'скорбеть, печалиться, горевать; скорбь, горе ...'

обычно считаются элементарными, не требующими обоснования: 'физическое страдание' → 'страдание нравственное' — см. ЭССЯ 7, 40 (статья *gryža), 161 (статья *gor'e). Однако для ряда лексем с семантикой 'скорбеть, горевать...; скорбь, горе...' кажется возможным конкретизировать этот переход промежуточным звеном 'в скорби (в горе) царапать, раздирать себе лицо, рвать на себе одежду, выдирать волосы', которое является языковым отражением элементов древнего погребального ритуала, когда при оплакивании умершего следовало раздирать лицо, грудь, одежду, рвать на себе волосы или обрезать их (см., в частности у Даля: *терзать* (в отчаянии на себе одежды, волосы, лицо) 'драть, рвать' — Даль² IV, 401).

Многочисленные исторические данные свидетельствуют о том, что обычай самоистязания в знак скорби (траура) по умершему в древности был распространен чрезвычайно широко (если не повсеместно). С большой полнотой эти сведения представлены у Фрэзера, в частности, в третьей главе его книги "Фольклор в Ветхом завете"². Так отмечается, что у древних иудеев погребальный обряд включал в себя оплакивание покойника, самоистязание, выбривание плешей на голове, обривание бород, раздирание одежд, аналогично поступали филистимляне и моавитяне ..."Арабские женщины во время траура срывали с себя верхнее платье, царапали себе ногтями грудь и лицо, били себя обувью и обрезали свои волосы"³. Аналогичная картина наблюдалась в Древней Греции, Ассирии, Армении, Древнем Риме, у гуннов, скифов (последние, например, оплакивая умершего царя, "остригали волосы на голове, делали порезы на руках, царапали себе лоб и нос, отрубали куски ушей и стрелами пробивали свою левую руку"⁴), у африканцев (сравнительно редко), у индейских племен Северной Америки, Австралии и т.д. Особенную же значимость для нас представляет замечание, что "во всех славянских странах с незапамятных времен придается большое значение громкому выражению горя по умершим. В прежнее время оно сопровождалось раздиранием лица скорбящих — обычай, сохранившийся среди населения Далмации и Черногории"⁵. Описание аналогичного погребального обряда у славян в начале X в. мы находим также у Ахмеда ибн-Фадлана⁶. Славянские (и прежде всего сербохорватские) языковые данные убедительно подтверждают былое существование описанного выше ритуала. См. в частности, примеры контекстов, в которых употребляется с.-хорв. *grèpstì, grèbêm* 'scalpere, lacerare, scabere, raderè' (= 'скоблить; раздирать, рвать, терзать; скрести, царапать, стричь, брить') (слав. *grebti < и.-е. *ghrebh-, см. ЭССЯ 7, 110): *Plaču... strigu ċi kose, grebuċi lica; Grišti ċe svoje meso, grebsti ċe svoja lica; Premda kose prospe, trga, lice greba; Otac se stane grepstì po obrazu i u vas glas lelekati; Iznesu pokojnika odjelo i oružje pred pokajnice i nad ñim biju se i grebu* (RJA III, 414). Интересно отметить, что на базе *grebti возник гл. *grebŷti/*grebŷtiti (se), демонстрирующий не только значение 'грести, сгребать' (рус. псков.), но и 'грустить, скучать, тосковать' (рус. самар., перм., иркут.) (ЭССЯ 7, 111—112).

Как известно, погребальный ритуал включал в себя также оплакивание покойника, причитания по нему. Причем сведения об этом

"дошли до нас из глубокой древности и из различных стран. Надгробные причитания существовали у библейских евреев..., у греков..., у римлян... Знала их западная Европа и позже; они найдены... в Корсике..., в Сербии... и в современной Греции. Наемные "lamentatrices" встречались во Франции XIII в.... Trauergesänge были широко распространены в средневековой Германии... Нигде причитания не сохранились в такой жизненности, как в северной России, где они до сих пор продолжают импровизироваться профессиональными вопленницами. Обычай "причитать" над мертвыми... относится на Руси к глубокой древности..."⁷ Существенно также следующее наблюдение: "Развитие и характер погребальной причеты, без сомнения, обуславливается степенями развития религиозного сознания. Начало ее относится к тому времени, когда человек вступил в формы семейной жизни и почувствовал в себе нарощение нравственных привязанностей. Но в первых похоронных плачах могло выражаться не столько сетования о потере родных и близки, сколько священного уважения к ним. Простое и безотчетное чувство жизни не допускало разрушения смерти и окружало мертвых благоговейным почитанием..." (Барсов, ч. I, I—II). Итак, здесь выделяются три существенных момента древнего ритуального обряда славян: раздирание лица, одежды, вырывание или обрезание волос; сетования, жалобные причитания; восхваление, возвеличивание покойного.

Так как совокупность этих ритуальных действий должна была получить какое-то языковое отражение, можно попытаться, исходя из этого положения, проэтимологизировать некоторые слова с сложной и, с современной точки зрения, противоречивой семантикой, не имеющие убедительной интерпретации в основном именно из-за этой "противоречивости". Такого рода примером, на наш взгляд, является слав. прилаг. **gъrdъ(jь)* (критический обзор этимологических версий представлен, в частности, в ЭССЯ 7, 207). Прежде всего, вызывает затруднение проблема обоснования возможности сочетания таких значений, как 'гордый, величественный, надменный' (ст.-слав., рус., чеш. и др.) и 'безобразный, страшный, уродливый' (болг., макед., с.-хорв.), т.е., собственно, проблема определения исходного признака (или совокупности таких признаков), который бы "объяснял" оба значения ('гордый' и 'безобразный') с их семантическим окружением. Существенно, что спектр значений у лексем с корнем **gъrd-*, представленных в славянских языках (в частности, в сербохорватском), не ограничивается указанными выше двумя значениями, демонстрируя также ряд других (см. ниже), которые как раз и помогают предпринять попытку семантической реконструкции, базирующейся на гипотезе об отражении в данном гнезде понятий древнего погребального обряда. При этом, естественно, что не только значение самого прилагательного **gъrdъ(jь)*, но и значения производных образований с этим корнем представляют интерес в качестве ресурсов для семантической реконструкции первоначального признака, так как в ряде случаев именно производные образования могут сохранять более древнюю семантику, чем непроизводное слово, и употребляться в весьма показательных контекстах. Так у с.-хорв. гл. *gъrditi*, помимо про-

чих, отмечаются значения 'обезобразивать, уродовать' и 'повреждать, раздирать, терзать', к последнему из которых в Загребском словаре дается комментарий — 'ногтями, зубами, ножом и т.д., царапая, скребя, грызя, рая, уродовать, обезобразивать объект (что-л. живое или часть тела)', ... чаще всего говорят *grđiti lice* 'о женщинах, когда они в скорби (в горе) ногтями раздирают себе лицо в соответствии с обычаем нашего народа', см. примеры: *Rodjaci ih i rodice skućuć vlase, grdeć lice do samoga slijede kraja; Grđiti lice 'lacerare genas'; Žute kose trgaše, b'jelo lišce grđijaše. Prse bije, grđi lice...* (RJA III, 402). Думается, что исходным для **grđ-* могло быть именно значение 'драть, царапать', на основе которого развились вторичные, переносные (также отмечаемые в RJA), 'обезобразивать, делать гадким', 'ругать', 'срамить', 'презирать'. Ср. еще с.-хорв. диал. *gr̄ndelъ* (с экспрессивным вставным *n*) 'лохматый, небритый, неряшливый, грязный' (РСА III, 653), а также *gr̄d* м.р. песн. необ. 'грязь' и 'беда, горе' (Там же, 595), *gr̄da* и *gr̄da* 'безобразная особа, урод' и индив. 'беда, несчастье, насилие' (Там же), диал. *gr̄doш* м.р. 'некрасивый, безобразный человек, урод' и 'беда, несчастье, невзгода' (Там же, 599), см. также одно из диалектных значений сербохорватского прилагательного *gr̄d* 'грустный, тоскливый, бедный, жалкий, горемычный' (Там же, 595). Отметим здесь наличие значений 'горе, беда, грустный, жалкий', характерных для семантической сферы, относящейся к погребальному ритуалу. Целый ряд значений показателен для нас в том отношении, что они также бывают часто связаны с исходными 'резать, драть ...': это с.-хорв. *gr̄дно* 'сильно, очень' (Московьевич 396), *gr̄d* 'очень сильный' (РСА III, 596), диал. *yariō* 'очень сильно' (Sus. 159) — ср. рус. тамб. *рѣзко*, 'весьма, очень, много' (Опыт 195), рус. простор. шибко (ударить) 'сильно' и т.п.; см. также указанные выше значения 'ругать, срамить, позорить' у гл. *gr̄diti*, рассматриваемые как переносные, с.-хорв. *gr̄dъa* 'ругань, брань, укоризна' (РСА III, 597), словен. *gr̄diti se* 'ссориться, браниться' (Plet. I, 247), *gr̄diti* 'ругать, чернить' (Хостник 42), *gr̄dnja* 'оскорбление, поругание', а также рус. диал. *гордость* в значении, до сих пор нам не встречавшемся — 'ругань, ссора, перепанка':

...Тут свирипиться желанный буде батюшка,

Пойде *гордость* у родителя — у матушки,

Неприятность у любимой у семенюшки

(Барсов, ч. I, 221)

ср. чеш. *hřebati* 'ругать, бранить' (при словен. *grēbati* 'сгребать; драть, царапать' (ЭССЯ 7, 108—109 в статье **grebati*/**grēbati*), рус. *вздорить* 'ругаться, ссориться', *раздор* 'брань, ссора, распря' — к *драть, деру*. См. еще одно характерное значение 'терпкий, горький, едкий', во многих случаях восходящее к 'резать, колоть, бить...' или 'давить' → 'острый, резкий' или 'жесткий, твердый, давящий' — ср. др.-рус. н.-слав. *бридькии* 'терпкий, острый, кислый, горький' (Срезневский I, 178) — к слав. **bri-ti* 'брить': с.-хорв. диал. *gr̄дак* 'едкий, терпкий' (: Нестасана мушмула је *gr̄тка* за једење (РСА III, 595), *gr̄ткав* 'горький' (?): Оскоруша је *gr̄ткава* да се једе (Там же, 693), *gr̄тко* 'противно (о вкусовом ощущении)' (Там же), 'приторно, тошно' (Елез. I).

Что касается значений 'гордый, величественный, благородный...' (→ 'высокомерный, спесивый...'), то оно, очевидно, связано с 'прославлять, возвеличивать' и может быть отражением ритуального восхваления покойного (см. выше) — см. в.-луж. *hordosć* 'величие' и 'прославление' (Pfuhl 214), *hordosćić* 'прославлять' (Трофимович 55), словен. *grđiti* 'хвастаться' и т.п.

Итак, семантика гнезда **gьrd-* представляется нам восходящей к обозначению совокупного действия, связанного с погребальным ритуалом — 'царапать лицо, причитая по покойнику и восхваляя его'. Кажется наиболее вероятным включение лексем с корнем **gьrd-* в состав и.-е. **gher-* 'тереть, растирать' (основа 1) (Pokorny I, 439), (интерпретируя *d* как расширитель — ср. слав. **grud-* (**grustiti*, **grustь* и др.), которые связывают с этим же и.-е. корнем в ступени **grou-* (основа 2), также с расширителем *d* (Там же, 460—461).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I (*šebati*) // Этимология. 1971. М., 1973. 3—4.

² Фрззер Д. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985, 412—431.

³ Там же, 414.

⁴ Там же, 415.

⁵ Там же.

⁶ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 г. г. Харьков. 1956.

⁷ Брокгауз—Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1898, Т. XXV, 288—289.

⁸ См. специально о семантических истоках слов, обозначающих 'горький, терпкий, кислый': Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. VII // Этимология 1976. М., 1978, 45—46.

Л.В. Куркина

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(**skovorda*, **pačьkati*)

**skovorda*

Основание для реконструкции праслав. **skovorda* дают ст.-слав. *сковрада*, др.-рус., рус., укр. *сковорода*, др.-чеш. *skravada*, *skrovada*, польск. *skowroaa* с общим значением 'вид посуды, сковорода'. В.-луж. *škorodej*, н.-луж. *škórodej*, *škórodwej*, род.п. *škórodwe* 'сковорода, противень' отражают основу на *-ū* — **skovordy*, *-ьve* (Фасмер III, 644). Но это видимо, позднее новообразование, появление которого связано с особой устойчивостью модели на *-y* (*-ьv*) в части западнославянских языков¹. Слово **skovorda*, представленное в основном в языке западных и восточных славян, не имеет сколько-нибудь убедительного объяснения. Поиски этимологии ведутся в самых разных направлениях. По одной из версий праслав. **skovorda* может быть истолковано как вариант слав. *скрада* τήγανον, *sartago*, *caminus* (Miklosich LP 849—850), традиционно сближаемого с ср.-в.-нем.